

Сергей Белозёров

(1948-2002)

Близость неба

Сергей Алексеевич Белозёров родился 10 июня 1948 года на Дальнем Востоке, где служил в лётном полку его отец. Через некоторое время Белозёровы переехали в Белоруссию, а затем в Тулу, которая стала настоящей родиной Сергея. Печатался как поэт в основном в местных тульских и иркутских газетах, отдельные публикации – в журналах «Нева», «Огонёк», «Сибирские огни», в сборниках издательства «Молодая гвардия» и Приокского книжного издательства, альманахе «Оттепель». В 1983 году был отправлен в ссылку на станцию Зима Иркутской области. За ним в Сибирь добровольно последовала его беременная возлюбленная, будущая жена, поэтесса Ольга Подъёмщикова (1961-2000). В 1989 году в Туле вышел первый и единственный прижизненный поэтический сборник Белозёрова «Словарь далее». Работал военкором на войне в Приднестровье, где едва не расстался с жизнью, был контужен, получил многочисленные травмы. Умер 12 ноября 2002 года в Туле на 55-м году жизни. Посмертно стихи опубликованы в «Российской газете», в журналах «Арион» (Москва), «Новый мир» (Москва), «Нёман» (Минск), «День и ночь» (Красноярск), «Фома» (Москва), альманахах «Иркутское время» (Иркутск), «Тула», «Этажи» (Москва), антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было» и других изданиях. В 2021 году в Москве издана книга прозы, писем и стихов Ольги Подъёмщиковой и Сергея Белозёрова «Зима». Судьбам Ольги Подъёмщиковой и Сергея Белозёрова посвящён поэтический спектакль «Любовь без парашюта» (инсц. – Н. Дунаева, реж. – А. Куликова), который идёт на театральных площадках Москвы и других городов России. В 2023 году поэту могло бы исполниться 75 лет.

*Подготовка текстов и публикация **Андрея Коровина***

Вступление

Когда улягутся тревоги,
когда подступит тишина,
стою у синего порога,
у растворённого окна.
и мне мерещится, что где-то,
в глухом углу календаря,

запахнет порохом планета,
мир не дотянет до утра,
труба всплкнёт в начале марша –
ведь мы не властны над трубой.
И мне придётся встать пораньше,
Проститься наскоро с тобой.
И на плечах нести, как солнце,
как непогасшую звезду,
как высочайшие погоны,
твоих ладоней теплоту...
...Умоюсь стынущей капелью
под водосточную трубой,
стряхну вчерашний день с шинели
и выйду в мир.
И грянет бой!

Отбой

В казарме – потолок с глазами:
Две синих лампочки зажгут –
И голубыми парусами,
Качаясь, стены поплывут.

Отбой – и то созвучен бою,
Но в этой тихой синеве

Казарма кажется избою,
В которой много сыновей.

И даже треньканье простое
Прижившегося здесь сверчка
Звучит, как будто бьёт в подойник
Тугая струйка молока...

Из-под травы

Я во рву, я свою, я траву пожую зелёными от крови губами.
А когда, веселя, я стану как памятник и поговорю с небесами,
вы плесните мне в очи мои, вы плесните на губы мои тем,
чем захочете сами:
Красным, синим, лиловым, зелёным...

А небо останется с вами.

Ничего, я траву пожую. Мне на это отпущено время.
Я играю стекляшками: красной, синей, лиловой, зелёной...
Что ещё мне осталось от моей могилёвской деревни?
От деда Тита.

От бабы Фроси.

От тётки Алёны.

Я грызу эти чёрные травы, и нету мне больше спасенья.
Красный, синий, лиловый, зелёный.

Это всё над моей головою.

А над вашею – иван-да-марья, чертополох, а позднее –
и милость осенняя.

Красный, синий, лиловый, зелёный.

И сверху целуются двое.

Ничего, пусть целуются.

Я порадуюсь, голову подниму, поговорю с небесами...

Из-под травы.

Вместе с вами.

Синий платочек

Я в пять лет понимал, что мужчине бояться нельзя, некрасиво,
а как крикнут: «Немец идёт!» – кидался в лопухи, а то и в крапиву,
после, услышав товарищей смех – резкий, злой и недетский –
цыпки чесал, глаза отводил, объяснял: «Я партизан. Шоветский...»

Все мои кореша-отчаюги матерились и даже курили,
все рахитики: ноги – бублик, лопатки – цыплячьи крылья,
все без кальция, без витаминов – печи дома пообколупали и глину поели,
но с избытком в крови того, как их фрицем пугали ещё в колыбели.

Возвращаюсь – а к маме моей собрались на посиделки
молодые вдовицы и перестарые девки,
и орут, кто с надрывом, а кто дурачась,
песню, которую я как услышу, так к тётке на печку прячусь:

«Синий сопливый платочек
Ганс мне принёс постирать,
а за работу –
кусочек бросту
и котелок полизать...»

Всё казалось, что вот войдёт: рукастый, в сизой щетине,
сапожищами громяхая – за платочком своим, за синим...

Деревня Белица

Пекли мы воронят в лесу – мне доставались ножки,
и пескари считали попасть ко мне за честь,
бывало по полторбы мороженой картошки
я с поля приволакивал, тошнотиков поесть!

Хорошего, короче, бывало в детстве много,
и даже председатель катал меня в седле!

Но вот Василь Красевич

отстегивает ногу,

и в хате как-то сразу становится светлей...

Вся в коже лакированной, в стальной блестящей сбруе,
и дерево, как леденец, медовое насквозь...

Да я б отдал одну свою, а надо – и другую,
чтобы такую вот иметь! Увы, не довелось.

Василь Красевич умер. Протез лежит в курятнике,
загаженный, замызганный. Пропали ордена.

Ну, что, мои сограждане, соратники и ратники,
хоть рюмку с хлебом выставим? А может – на хрена?

И Мишка, младший сын его, в отряде космонавтов
зазря лет десять гробился, на пенсии теперь,
речушку осушители сделали канавой,
из леса изуродованного ушел последний зверь.

Родную Могилевщину, названию согласно,
угробил взрыв чернобыльский весенним тихим днём,
но это – дело прошлое, зачем рыдать напрасно,
двадцатый век закончили! С чего теперь начнём?

* * *

Исступлённо поют инвалиды.
Отрешённо старухи молчат.

Помнит Родина зло и обиды.
Не обучена их вымещать.

В голубых и оранжевых куртках
утром немцы к заводу идут.
Белобрысые Гансы и Курты
набираются опыта тут.

И сосед, мужичонка курносый,
растворивший осколок в крови,
говорит им:

– Здорово, геноссы!
Если пиво у бабушки Розы
будет –
ты меня, Фриц, позови!

Футбол

Я вспоминаю старый стадион,
где были Кузя, Сокол и Лимон –
короче, все ребята, кто играл
за сборную завода «Арсенал».

Сосед, как на работу, приходил
на стадион: болел, игру судил,
он, может, сам играл бы – да не мог,
поскольку он с войны пришел без ног.

По бровке ковылял, свистел, бурчал,
а главное – подножек не прощал,
кричал, срывая голос: – Дуболом! –
и с поля гнал, пугая костылём.

За водкой посылал, давал курить,
а всё же, что о нём ни говорить,
умел судить нас и за нас болеть,
когда нам было по пятнадцать лет.

В те годы много было чудаков,
их лично знали Жуков и Чуйков,
наверно, худо было бы без них
всем нам, кто в жизнь вошёл в сороковых.

* * *

Бесплатное образование –
тем, у которых нет призвания.

А мы последнее потратили
на книжки, сборнички стихов,
чтоб к нам пришли преподаватели
Самойлов, Слуцкий, Смеляков.

Как славы нам и как добра желать,
мы изучали по ночам,
потом пришлось еще доплачивать,
но так, судьбой, по мелочам.

Заплатишь – и не надо мучиться,
и весело держись за гуж
уроков музыки и мужества,
они рифмуются к тому ж.

Словарь Далея

Трогай!

Зима, Перевоз, Кимильтей,
Харик, Тулун, Кундулун и Азей,
Тулюшка, Шуба, Курят, Мингатуй,
Нюра, Тайшет, Камышет и Хингуй,
Худоеланская, Котик, Уда,
Ук, Нижнеудинск, Утай, Шеберта...

Я не доеду к тебе никогда!

Станции стали, коптя и трубя.
Это – на первых трехстах километрах
От погребения в рудах и недрах
Четверо суток еще до тебя.

Ты, разбираясь с последним письмом,
Далей словарь почитай перед сном.
Может, поймешь... Непонятно? Беда ли...

Тьма и метель. И словарь моих далей
жестью названий гремит за окном.

* * *

Весёлые дела!
По рельсам, по стране
качу, как захочу,
в гулѣж очередной –
а станция Зима
протягивает мне
замасленный кулёк
с картошкой отварной...

Я выставлю в окно
беспутную башку
на ветер и мороз –
пущай охолонѣт...
А станция Зима
по чахлому снежку
бежит и машет мне –
вот-вот в окно впорхнѣт...

Там ирис впереди
пестреет, как удов,
соцветиями губ
пылают мне юга...
Да шла бы ты, Зима!
И что ж – она идѣт,
как верная жена,
отстав на три шага.

Как сладок мой побег!
Как радуется мир,
объятья распахнув
встречающий меня!

И высадит меня
уже через полдня
на станции Зима
румяный конвоир...

* * *

Белозѣров Сергей Алексеевич,
тридцати с незначительным лет,
терпеливо пытался отсеивать
сор от хлеба и счастье от бед.

Сито билось, как сердце, порывисто,
он не первый надеялся год,
что на донышке по справедливости
золотая крупица блеснет.

Ну, а жизнь – без старания лишнего –
убеждала его: через сеть
не пройти ее тяжким булыжникам,
да и лебедю не пролететь.

Он не верил, шатаясь от голода,
он стоял на своём, как всегда,
и сжимал в кулаке своё золото,
а когда разожмёт – пустота...

Он с долгами никак не расплатится,
он скитается по городам,
только сито дырявое катится
по пятам, по пятам, по пятам...

* * *

Россия, спасибо:
рассеялась мгла,
пока вдоль Транссиба
судьба волокла.

У трасс, где жестоко
я душу протряс –
спецовка, бытовка,
изнанка пространств.

Меня из-под палки
учили любви
бурьяны и свалки,
стальные репы.

Не Росси, не Мойка,
не юрод с Кремлём –
помойка и койка
с дырявым рублём.

Побед эполеты
померкли в пыли,

и тяжкие беды
по сердцу прошли.

Россия, не плахой
ты виделась мне –
дырявой рубахой
на сером плетне,
как будто бы шпалы
не пали ничком –
с Москвы до Байкала
стояли торчком,

а поверх – деревья
и терны стерни,
как будто отрепья
великой страны...

Россия, спасибо...
Грубя и любя,
шепчу тебе, ибо
я видел тебя.

Памяти Высоцкого

Я на праздники сяду у ёлки под лампочками,
стану с ёлкой вместе гулять и стареть...

А старуха идёт за еловыми лапочками,
потому что старухе пора помереть.

Это заведено на России обычаями –
раздают эти ветки с порога сеней,
бросят их и друзья, и враги, и обиженные
под полозья твоих похоронных саней.

Топором я махал, столько дров наломал –
что ж каменья скрипят под полозьями?
Вроде зря не орал, вроде в песне не врал,
вроде я не дружил с подголосками.

Или брата забыл? Или друга продал?
А что громко кричал о кру-чи-и-не своей –
так в России такие стоят холода,
что охрипнешь, пока докричишься ей...

Ёлки-палки зелёные, ёлки зелёнькие,
я на лица гляжу; пока свет не погас:
ответшали червонцы, а были, как новенькие,
и по ветхости нас изымают из касс.

А Россия все так же метелями выхлестана,
и, прощаясь, мы просим прощенья у ней:
может, ветку еловую бросит, как милостыню,
под полозья саней, под копыта коней...

Аэропорт

Спускаясь по трапу с орбиты,
С лиловых небесных лугов,
Ты чувствуешь – уши забиты
Сырой глухотой облаков.

От всех путешествий осталась
Под сердцем тоскливым комком
Такая тупая усталость,
Что даже не радуется дом.

незаметных, как утренний дым;
будто волны на Волге
за глассером,
как косые усы по воде...

...Может, это мираж,
может, просто мерещится
на высоте,
может,
ангелы наши хранители
для надежности реют над головой...
И опять перевал,
и опять
удлиняются крылья,
и мотор переходит на вой.

* * *

Спокойно и весело даже
живётся на свете, когда
проходят шальные удачи,
и в губы целует беда.

Ни строчкой не радуется почта,
ни друга с тобой, ни жены,
а всё ж хорошо – оттого, что
мосты за спиной сожжены.

И нет холоднее и чище
мгновения, нежели то,
когда невезение свищет
в осиновый сиплый свисток.

И нет опасений ни грамма,
шрапнельно поют соловьи,
и сомкнуты зло и упрямо
разбитые губы твои.

* * *

...За дверью снег
скрипит протезом,
бредет мороз, как пес цепной,
по кругу,
звякая железом,
распугивая пацанов.

А мы,
калечась и бинтуясь,
в тылу зимы, как подо льдом,

отбарабаним, отбунтуем,
отмельтешимся,
а потом

земля,
как мальчик после тифа
глаза зеленые откроеет,
и кто-то скажет,
подняв брови:
«Смотри, как тихо...»

* * *

...вот и живёшь,
и живёшь, и живёшь,
плачешь, пророчишь,
смеёшься и врёшь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...

...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьеиванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
ёкнешь испуганно
сердцем резиновым,
руки пустые
и губы сухие –

господи, звёзды
сегодня какие!